

ОРУДИЯ ТРУДА АРТИКСКОГО МОГИЛЬНИКА

Г. Е. АРЕШЯН

Среди памятников Армянского нагорья эпохи развитой бронзы и раннего железа исключительное место по своему значению занимает обширный могильник, расположенный на западных склонах горы Арагац, близ г. Артика. Древний некрополь раскинулся на территории карьера № 8 (бывш. № 15) Артик-туфа. Здесь в 1960 г. были случайно обнаружены первые погребения этого могильника, приобретшего вскоре значительную известность в археологии Армении. Склепы Артиксского могильника по конструкции представляют собой катакомбы, высеченные в туфе. Погребения, исследованные в 1960—1961 гг., частично осветили материальную культуру и быт земледельцев и скотоводов Ширакской долины в XIII—X вв. до н. э.¹ Исследованиями некрополя, продолжающимися по сей день, открыто несколько сот погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа XIV—IX вв. до н. э. Погребальный инвентарь всех периодов существования могильника поражает обилием и разнообразием керамики, оружия, предметов украшения и орудий труда. Последним и посвящается данная статья².

По сравнению с керамикой и оружием орудия труда не часто встречаются в погребениях эпохи развитой бронзы и раннего железа, поэтому относительная массовость, а также высокий уровень специализации орудий труда из артикской коллекции представляют несомненную научную ценность.

Не касаясь всех типов средств труда в рамках данного сообщения, но ограничиваясь только металлическими орудиями, мы должны подчеркнуть, что в датировке их важно выявить определенные хронологические границы, особенно два следующих основных периода. В эпоху XIV—XI вв. до н. э., т. е. еще до начала распространения орудий из железа, наблюдается абсолютное господство разнообразных бронзовых орудий. В это время вырабатывается и приобретает широкое распространение целый ряд специфических форм бронзовых орудий. Иная картина предстает перед нами в эпоху раннего железа. В X—IX вв. до н. э. бронзовые орудия быстро вытесняются новыми формами значительно более производительных железных орудий. Поэтому вначале мы рассмотрим орудия из бронзы, датируемые все без исключений как на основании сравнительного изучения комплексов, из которых они происходят, так и на основании аналогий к самим орудиям XIV—XI вв. до н. э.

В настоящее время из раскопок Артиксского могильника происходят пять топоров-секир. Они отлиты в формах, но не все из них могут рассматриваться как орудия труда.

Три топора артикской коллекции следует рассматривать исключительно как орудия труда. Среди них выделяется массивный топор-секира так называемого «закавказского» типа (рис. I, 1), обнаруженный в «комплексе плотника» из погребения № 90. Он имеет выражено сегментовидное лезвие и гладкий обух. Аналогичные секиры происходят из Лчашена, Алаверди, Зангезура и в особенности из замечательного клада брон-

¹ См. Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963. Т. С. Хачатрян же подготавливаются к публикации материалы из раскопок этого могильника 1962—1969 гг.

² Мы приносим искреннюю благодарность Т. С. Хачатryanу за предоставление в наше распоряжение исследуемых материалов и выражаем признательность академику АН Арм. ССР Б. Б. Пиотровскому, чл.-корр. АН Арм. ССР Б. Н. Аракеляну и проф. А. А. Мартиросяну за ценные указания, данные ими при написании работы.

зовых изделий, найденного в Ахтале³. Арктикский образец, поскольку он входит в специализированный «комплекс плотника», следует рассматривать исключительно как орудие труда. Эти топоры-секиры характерны для Закавказья последней трети II тысячелетия до н. э. и, таким образом, могут служить датировочным материалом, хотя и встречается иногда их бытование также в XI—IX вв. до н. э. Орудия этого типа рассматриваются Жаном Дешайе как проушные топоры группы М, имевшие распространение исключительно в Закавказье. Ряд западных исследователей называет эти секиры «топорами Амазонки».⁴

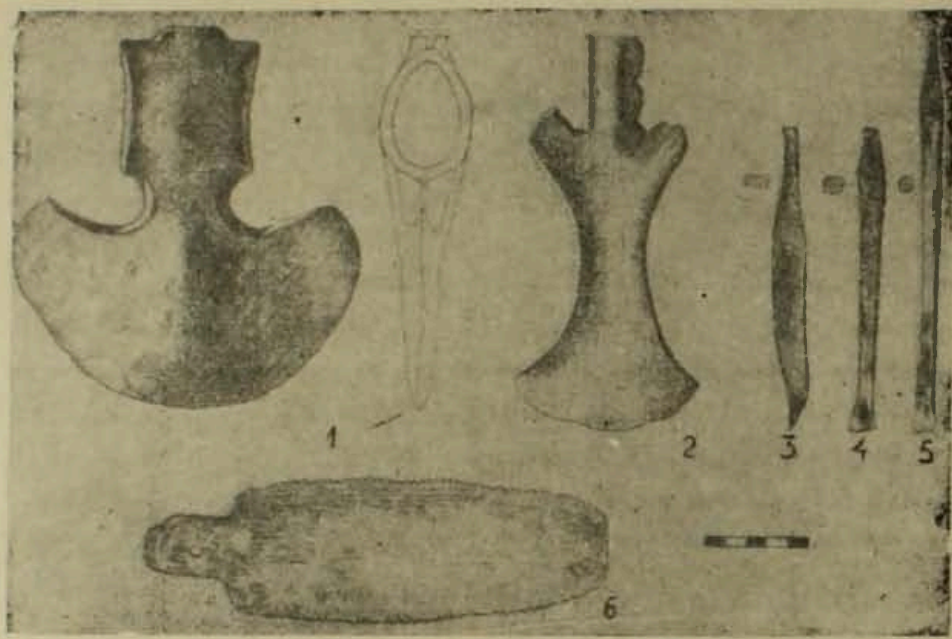

Рис. 1.

Два других топора (рис. II, 2, 3) идентичны между собой, различаются только размерами. Наиболее характерной чертой их является довольно узкое сегментовидное, несколько асимметричное лезвие, а также массивный обух, позволявший использовать топор в качестве молота. Значительная сбитость обуха явно свидетельствует об использовании топора как в качестве молота, так и, возможно, клина при колке дерева, что в свою очередь говорит о том, что перед нами исключительно орудие труда. Об этом же свидетельствует и факт хронологического сосуществования этих топоров с секирами «закавказского» типа, являвшимися в основном оружием. Факт находки первого экземпляра в таком твердо датированном комплексе, как погребение № 3, невольно наводит на мысль, что топоры с асимметричным лезвием, подобные арктикским, были распространены в Армении XIV—XIII вв. до н. э. Эта датировка подтверждается аналогичными бронзовыми топорами, обнаруженными в Ахалцихе и в Тандзотской крепости (Артанудж)⁵, датированными Ж. Дешайе XIII в. до н. э. Топоры рассматриваемого типа изображены на типично хурритской (так называемой «сиро-хеттской») ци-

³ См. А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. «Советская археология» (далее—СА), 1957, № 2, стр. 148—149, рис. 6; Т. С. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа. «Труды Гос. истор. музея Армении» (далее—ГМА), V, 1959, стр. 242—244, рис. 57, 1 и 36, 7; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 116, табл. XII.

⁴ См. J. Deshayes, Les outils de bronze de l'Indus au Danube, I, Paris, 1960, стр. 216—218.

⁵ См. Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 227, рис. 46.

лиندрической печати⁶, что позволяет ставить вопрос о хурритском происхождении формы двух арктиских топоров.

Рис. II.

Более поздней по форме аналогией рассматриваемых образцов служит топор из Аджа-Евляра (Персидский Талыш), однако он изготовлен из железа и датируется К. Шеффером эпохой железо-17. Конечно, возможно установление связи между арктискими топорами и более ранними секирами асимметричного строения, имеющими также асимметричное лезвие (Кировакан, Грма-геле, Тапе-гавра, Талыш, Гей-тепе и пр.), и все-таки эта связь представляется сомнительной.

Кроме трех рассмотренных выше топоров, из арктических склепов происходят также две секиры, не относящиеся к средствам производства, но представляющие интерес в том отношении, что сравнение их с описанными выше топорами создает более полное представление об узкой специализированности первых. Одна из этих секир (рис. III, 1) была оружием древнего воина. Богато отделанная, с ажурной обоймой на обухе, она имеет сильно загнутые концы лезвия, напоминая при всем своем своеобразии целый ряд боевых секир Передней Азии конца III и II тысячелетий до н. э. Эта секира имеет отдаленное сходство с топором формы полумесяца из Ура⁸, но гораздо ближе к ней секиры из древнего Угарита (XX—XVIII вв. до н. э.)⁹; похожи на нее образец из Сузианы и опубликованные О. Монтелнусом аналогичные предметы из Финикии, Сирии и Палестины¹⁰. При всей видимости переднеазиатских влияний все-таки остается несомненным генетическое родство этой секиры с секирами «закавказского» типа. Близка к рассматриваемому образцу несколько более ранняя миниатюрная секира из Иджевана переднеазиатского типа (XVI—XV вв. до н. э.), однако, в отличие от всех вышеописанных, она была не боевой, а парадной или культовой. Собственно говоря, если выйти за рамки боевых секир, то близкой аналогией к первой, боевой арктической секире будет являться вторая, ритуальная секира из погребения № 107 Ар-

⁶ См. G. Contenau, *La glyptique Syro-Hittite*, Paris, 1922, рис. 177.

⁷ См. Cl. F. A. Schaeffer, *Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale*, London, 1948, рис. 237(29).

⁸ См. Гордон Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. Пер. с англ., М., 1956, стр. 244, рис. 91.

⁹ См. Cl. F. A. Schaeffer, указ. работа, табл. X, 18, 49, 55.

¹⁰ См. Ж. де Морган, *Доисторическое человечество*. Пер. с франц., М.—Л., 1926, рис. 54; O. Montelius, *Die alteren Kulturperioden in Orient und in Europa*, II, Stockholm, 1923, стр. 239—240.

тика (рис. III, 2). Отличительной чертой ее является дисковидное полое лезвие с двумя симметричными символическими отверстиями. Данная секира, совершенно оригинальная по своему типу, относится к числу весьма немногочисленных ритуальных секир и подвесок в виде секир, обнаруженных на территории Армении и Закавказья.

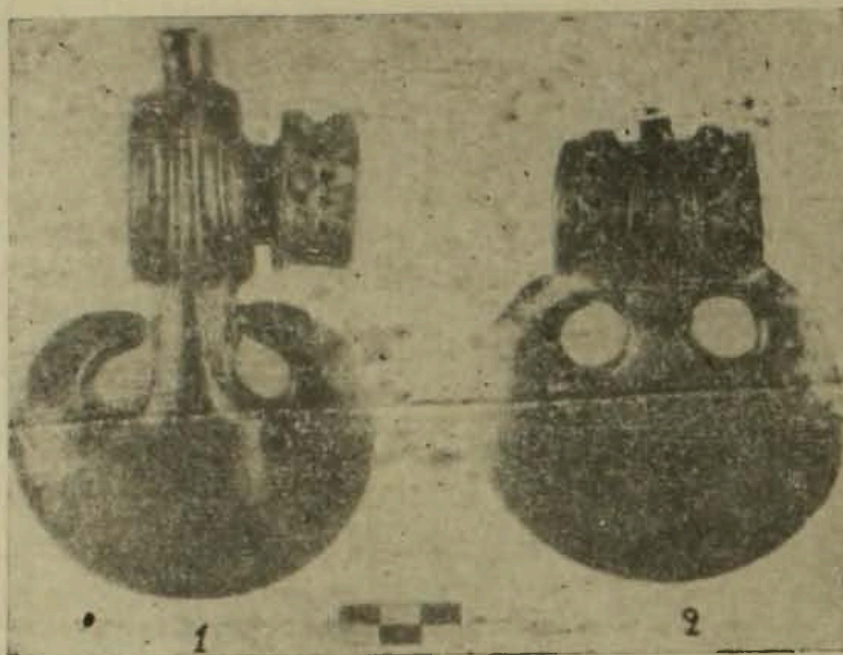

Рис. III.

Культ топора, распространенный в Средиземноморье и Передней Азии, часто напоминает археологам о себе то в виде обнаруживаемых ритуальных секир, то в виде подвесок, изображающих топор, то в виде различных изображений. Пока что для территории Армении мы вряд ли можем отделить культ двойного топора от одинарного. У всех народов Эгейского моря и древнего Востока топор олицетворял самые могущественные силы природы, являясь атрибутом божеств стихии. Топор—атрибут хурританнийского бога Тешуба, который являлся, подобно ассирийскому Ададу, богом грозы, войны и бури. Тешуб стал впоследствии Тейшебой и занял второе место в урартском пантеоне, сохранив при этом свои атрибуты¹¹. Мы видим Тешуба—Тархунтаса на воротах хеттской столицы Хаттушаш с топором, имеющим шипастый обух в руках. Аналогичные топоры с шипастым обухом распространены на Армянском нагорье и в Закавказье, что свидетельствует о том большом значении, которое имел культ Тешуба и топора в этой северо-восточной области хурритского культурного мира еще во II тысячелетии до н. э. Подобные ритуальные или парадные секиры с шипастым обухом происходят из Лчашена и Кировабада¹². Однако в Закавказье был распространен также культ двойного топора, о чем свидетельствует подобный экземпляр, обнаруженный близ бывш. Еленендорфа¹³, относящийся, по-видимому, к концу II тысячелетия до н. э. О том же говорят и находки подвесок в виде двойных топоров из Циникаройского и Так-Килисинского могильников в Грузии¹⁴, а также в составе велико-

¹¹ См. Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 225.

¹² См. Հ. Հ. Մանուկյան, Վանի քաղաքի պարսպաման հիմնական հետազոտություններ, «Историко-филологический журнал», 1965, № 2, стр. 108, табл. I; «Известия Императорской археологической комиссии», вып. 12, 1904, стр. 52, рис. 14.

¹³ См. J. Hummel, Zur Archeologie Aserbaidzans, Eurasia Septentrionalis Antiqua, VIII, 1933, стр. 216, рис. 1.

¹⁴ См. Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 54, рис. 51.

лепного клада бронзовых статуэток из Айрума¹⁵. На Кавказе культ этот был весьма устойчив, о чем говорит существование его пережитков в раннесредневековом Дагестане¹⁶.

Культ двойного топора-Лабриса на Армянском нагорье, быть может, с накоплением фактического материала, можно будет рассматривать как результат интенсивных связей с Западом, в частности с Эгейдой. В Западной Европе в эпоху бронзы были распространены слитки в виде двойных топоров¹⁷. Наибольшего же своего развития культ Лабриса достиг в связи с Зевсом Критским, привлекающим внимание почти всех исследователей древней Греции. На золотом перстне из Микен XIV в. до н. э., опубликованном Маринатосом¹⁸, среди сонма ахейских богов мы видим парящий двойной топор-Лабрис. Поклонение Лабрису в Греции имело место в середине и во второй половине II тысячелетия до н. э., т. е. в период, синхронный арктической ритуальной секире.

На территории Закавказья в многочисленных местах обнаружены также подвески в виде полумесяца, однако выявить их связь, если такая существовала, с культом топора—задача специального исследования. Остается отметить, что и боевая, и ритуальная арктические секиры своими ажурными обухами теснейшим образом перекликаются с находками из Аладжа-Гуюка¹⁹.

К группе арктических топоров примыкает ручной топорик-тесло (рис. 1, 2) из погребения № 90, также происходящий из «комплекса плотника» (рис. 1); в этом же комплексе обнаружена вышеописанная «закавказская» секира с сегментовидным лезвием. Рассматриваемое тесло отлито, по-видимому, в односторонней форме, носит на себе следы последующей проковки, имеет сегментовидное, несколько сработанное лезвие. Характерной чертой орудия являются сильно выраженные плечики. Ручные топорики нашли применение в различных сферах ремесла древнего мира, по некоторым данным, при резании и скоблении шкур в кожевенном производстве. Не случайно наряду с другими орудиями труда такой топорик изображен на барельефе, представляющем кожевную мастерскую древнего Египта эпохи XVIII династии²⁰. Топорик применялся для разделки шкур²¹ в античном Риме, он используется в кожевенных мастерских некоторых районов и современной Грузии²². Однако, несмотря на указанные обстоятельства, условия находки нашего топорика среди ярко выраженных орудий плотника (рис. 1) доказывают его применение при деревообработке, т. е. в виде тесла. Этому мы находим подтверждение и в ряде комплексов из других мест.

Ареал распространения ручных топориков имеет весьма обширные границы. То же следует сказать и о сроках их бытования. В III тысячелетии до н. э. на всей территории Передней Азии, в том числе в Армении и Закавказье, бытуют весьма архаичные тесла сачхерского облика. В большинстве случаев орудия эти местного производства, о чем говорит недавняя находка клада тесел этого типа вместе с клевцами III тысячелетия до н. э. близ Еревана. На местное производство ручных топориков указывают на-

¹⁵ Материал хранится в ГМА, инв. № 2225/37.

¹⁶ См. М. П. Абрамова, О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане. «Труды Гос. истор. музея», вып. 40, М., 1966, стр. 89—96.

¹⁷ См. G. Dechelette, Manuel d'Archeologie prehistorique, celtique et gallo-romaine, II, Paris, 1910, стр. 403—406.

¹⁸ См. Sp. Marinatos, Kreta und das Mykenische Hellas, München, 1959.

¹⁹ Н. З. Косая, Ausgrabungen von Alaca Höyük 1936, Ankara, 1944; его же, Les fouilles d'Alaca Höyük 1937—1939, Ankara, 1951.

²⁰ См. И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флитнер, Очерки по истории техники древнего Востока, М.—Л., 1940, стр. 218, рис. 104.

²¹ См. Н. В. Трубникова, К вопросу о назначении «Кобанских сечек». «Кратк. сообщ. Инст. ист. мат. культ.», вып. 18, 1947, стр. 49—53.

²² См. Г. К. Ниорадзе, Археологические находки в селе Квишари, СА, XI, 1949, стр. 189—190.

ходки литейных форм на территории Закавказья: в Армении из Муханнат-тапы, Мецамора и Двина, в Азербайджане из Мингечаура²³.

К началу II тысячелетия до н. э. развитие ручных топориков, продиктованное потребностями хозяйства, приводит к дроблению единого типа этих орудий на всей территории Передней Азии и возникновению их многочисленных подвидов. На Армянском нагорье и в Закавказье начал развиваться собственный характерный вид тесел. Совершенно аналогичным путем развились они и в Центральной Анатолии. Первая стадия развития закавказско-анатолийских ручных топориков, датируемая, судя по анатолийским находкам, 1900—1500 гг. до н. э., дает образцы, подобные обнаруженным в слое Алишар II, или в слое IB анатолийского Кюль-тепе, датируемом XVIII в. до н. э.²⁴ В Армении эта стадия представлена образцом из кироваканского кургана XVII—XVI вв. до н. э.²⁵

К XIV—XIII вв. до н. э. на территории Армении, Закавказья и Анатолии формируется тот тип ручного топорика, к которому относится арктический образец из «комплекса плотника». Этот тип по праву можно считать классическим для данного рода орудий. О массовой распространенности тесел, аналогичных арктискому образцу, свидетельствуют находки из Такни, Камо, Алаверди, Ленипакана²⁶, а также на территории Грузии²⁷. Эти топорики встречаются и в Орду, где они датируются концом II тысячелетия до н. э.²⁸ Близкие параллели арктискому и, в целом, закавказским образцам встречаются также в западном направлении: в Центральной (конец XIV—начало XIII вв. до н. э.) и Западной Анатолии (XIII в. до н. э.)²⁹. Аналогичные и, по-видимому, синхронные арктискому ручные топорики происходят из коллекции эчмиадзинского музея.

К концу II—началу I тысячелетия до н. э. производство ручных топориков «закавказского» типа несколько идет на спад, о чем можно судить по комплексам Евклу, Арчадзора, Кедабека³⁰. Ручные бронзовые топорики закавказско-анатолийского типа прекращают свое существование на Армянском нагорье и в Закавказье между 1000 и 700 гг. до н. э. С этого времени их следует считать исчезающим типом орудий, наиболее поздний пережиточный образец которого происходит из Богазкея II и датируется тем же временем³¹. Количество находок и ареал распространения этих ручных топориков-тесел свидетельствует о том большом хозяйственном значении этого типа орудий, какое они имели в период своего наибольшего распространения в Закавказье во второй половине II тысячелетия до н. э., когда они обнаруживаются в ряде специализированных производственных комплексов плотницкого ремесла, как, например, в Артике или

²³ См. Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959, табл. XII, рис. 2.

²⁴ Н. Н. von der Osten, The Alishar Hüyük, Seasons of 1930—1932. OIP, XVIII—XX, Chicago, 1937; „Turk Tarih Kurumu Belleten“, Ankara, XIX, 1955, рис. 5c, 18, 6b.

²⁵ См. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 46—47; А. А. Мартиросян, указ. работа, стр. 64—68.

²⁶ См. А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян, Комплекс изделий из могильника Такни (Агвесацзор). «Изв. АН Арм. ССР», обществ. науки, 1959, № 11—12, стр. 89; Т. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы..., стр. 234, рис. 56.

²⁷ См. Б. А. Куфтин, указ. работа, табл. L; О. М. Джапаридзе, Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, стр. 286, 297.

²⁸ „Archiv Orientalni“, Praha, VII, 1935, стр. 408, рис. XLVIIa.

²⁹ K. Bittel, R. Naumann, H. Otto, Yazilikaya, WDOG 61, Leipzig, 1941, стр. 168, рис. 68, VI; S. Lloyd, J. Mellaart, Beycesultan III, Anatolian Studies (AnSt), VI, 1956, стр. 88, рис. 1(21).

³⁰ См. А. А. Ивановский, По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа, вып. VI, стр. 127—128, табл. VI, рис. 6.

³¹ K. Bittel, H. Güterbock, Bogasköy, Neue Untersuchungen in der Hethitischen Hauptstadt, Berlin, 1935, стр. 52, табл. 10, рис. 2.

кургане № 1 в Лчашене, датируемом XIV—XIII вв. до н. э. В наиболее поздний период существования этих топориков вырабатывается новый тип их, представленный образцами из Ворнака³² и из Алавердского клада X—IX вв. до н. э.³³

Весьма характерную группу металлических орудий Арктикского могильника составляют четыре долота. Три из них входят в «комплекс плотника» (рис. I, 3—5). Наиболее крупное долото обнаружено в погребении № 3 (рис. II, 1). Оно четырехгранное, из бронзового стержня, со сравнительно коротким четырехгранным черенком, имеет длину 28 см, уникально по своей форме, поскольку в Закавказье того времени употреблялись трубчатые долота.

Другое долото—такого же типа (рис. I, 5, «комплекс плотника»), но несколько меньших размеров, отличается от предыдущего пирамидальным, еще более коротким черенком. Близкое ему долото происходит из Зекари, хранится в кутаисском музее, однако оно медное, и его следует считать по крайней мере на целое тысячелетие старше исследуемого образца. За пределами Армянского нагорья подобные предметы обнаружены также в Библе в Сирии и Акрополе Микен³⁴. Наиболее интересной аналогией, совпадающей по хронологии с нашим образцом, являются бронзовые долота из Мегиддо III, датируемые второй половиной II тысячелетия до н. э.³⁵ К данной группе орудий примыкают два долота (рис. I, 3, 4) из того же комплекса, представляя собой толстый, почти квадратный в сечении бронзовый стержень с заостренным концом. Одно долото имеет короткий четырехгранный черенок. Аналогичный предмет происходит из Мингечаура.

Необходимо отметить, что долота носят на себе следы сработанности. В состав «комплекса плотника» (погребение № 90) входит также бронзовая пила (рис. I, 6), представляющая собой сравнительно широкую вытянутую пластину длиной 24 см, шириной 6,5 см. В суженной части пластины-ручки имеется отверстие для прикрепления деревянной рукоятки. Пила изготовлена путем холоднойковки, отличительной чертой ее является наличие двух пилящих сторон, снабженных сработанными зубчиками. По внешним признакам пилу эту следует относить к одноручным ножовкам.

Интересно маленькое бронзовое точило с отверстием для подвешивания, найденное в 1964 г. Игла, шилья и проколки из кости и бронзы, находимые почти в каждом погребении, наряду с костяными пряслицами, свидетельствуют о высоком уровне ткацкого и кожевенного производства у обитателей склонов горы Арагац во второй половине II тысячелетия до н. э. Вышеописанные бронзовые орудия труда позволяют нам представить уровень ремесел в XIV—XI вв. до н. э.

Единственным бронзовым орудием XIV—XI вв. до н. э., относящимся к сельскому хозяйству, является серп (рис. II, 4), обнаруженный в 1965 г. Он изготовлен из бронзовой гладкой пластины и имеет два отверстия для крепления с рукоятью. Конец серпа обломан.

Не останавливаясь подробно на многочисленных аналогиях арктикскому серпу, датируемых концом II тысячелетия до н. э. (например, находка аналогичных серпов из Камо), отметим лишь серпы из погребений позднебронзовой эпохи, исследованных Б. А. Куфтиным у дороги Бешташени—Сафар—Хараба, и несколько более поздние серпы из Хаштаракского комплекса, целиком опубликованного А. А. Мартиросяном. Было бы чрезвычайно интересно остановиться на методике изучения древних серпов, определении их производительности, однако ограниченный объем работы позволяет лишь отметить отдельные выводы, полученные при исследовании арктикских серпов.

Таким образом, вышеописанные орудия дают возможность в некоторой степени составить представление о производстве XIV—XI вв. до н. э.

³² См. «Отчеты Археологической комиссии за 1894 г.», стр. 14—16.

³³ См. А. А. Мартиросян, указ. работа, стр. 116, табл. XII.

³⁴ См. J. Deshayes, указ. работа, т. II, стр. 44—45, № 853 и 874, табл. XI, 3, 20.

³⁵ См. G. Schumacher, Tell el Mutesellim, I, Leipzig, 1908, рис. XXII, E5. 6, а также C. Watzinger, Tell el Mutesellim, II, Leipzig, 1929, стр. 45; цитируется по описаниям и рисункам; J. Deshayes, указ. работа.

В X в. до н. э., в связи с распространением железных орудий труда, произошел крупный скачок в материальном производстве, заставляющий археологов разграничивать орудия труда не только по материалу, из которого они изготавливались, но и хронологически.

Применение железных орудий во много раз увеличило производительность труда. Однако наряду с ними зачастую бронзовые орудия остаются в качестве пережитков, как, например, бронзовые топоры-секиры. Наиболее остро ощущается наступление новой эпохи благодаря массовому распространению железных ножей. Несколько экземпляров этих ножей из Артика вместе с двумя железными серпами представляют арктические орудия X—IX вв. до н. э.

Железные ножи происходят из погребений, исследованных в 1962 и 1965 гг. Все они одного типа и различаются только размерами. Четыре из них сохранились целиком (рис. IV). Ножи эти имеют длинное, узкое одностороннее лезвие, имеющее иногда загнутый кончик и черенок, к которому прикреплялась деревянная рукоять. Аналогичные ножи обнаружены на территории Армении в Айриванке на Севане, Мухане. Необходимо особо отметить в качестве параллели железные ножи, обнаруженные при раскопках Ж. де Моргана в Шейтан-Даге и в Ахтале³⁶. Они происходят из комплексов, характерных для X—VIII вв. до н. э. Несомненно, что эти железные ножи копируют форму их бронзовых прототипов. Подобные бронзовые ножи известны из того же Айриванка на Севане, Камо, Толорса³⁷, встречены они были также при раскопках Б. Халатянца в 1908 г. в районе сел. Ором³⁸ и других местах.

Два железных серпа довершают арктическую коллекцию орудий труда: первый железный серп (рис. IV, сверху слева) обнаружен в 1962 г. в погребении № 209, имеет по сравнению с бронзовыми более узкое лезвие, некогда имевшаяся рукоять-черенок отломана; второй происходит из погребения № 539 (рис. IV, сверху справа), тыльная часть клинка его (как и у первого) толще, чем у бронзовых образцов.

Исследование показало, что с применением железных серпов в сельском хозяйстве эффективность труда возрастала лишь за счет удлинения сроков жизни орудия труда, ибо производительность его (по сравнению с бронзовым) оставалась неизменной. До тех пор, пока форма и размер лезвия серпа не подверглись изменениям, вряд ли жнецам X—IX вв. до н. э. нужно было отказываться от более привычных и, возможно, более дешевых и доступных бронзовых орудий. Быть может, этим именно обстоятельством можно объяснить факт переживания ряда бронзовых орудий (например, бронзовые серпы из Ани-пемзы, датирующиеся X—IX вв. до н. э.)³⁹. Позднее, когда вырабатываются новые, более производительные формы железных серпов типа, найденных в Басаргечаре⁴⁰, бронзовые серпы исчезают. При всем этом не следует забывать, что железные орудия острее бронзовых.

Производительность труда жнецов ощутимо возросла с появлением крупных железных урартских серпов, типа найденных на Кармир-Блуре⁴¹. Та же картина наблюдается и с железными ножами, которые быстро распространились на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

Итак, раскопки арктических склепов дали значительное количество орудий труда, свидетельствующих об уровне развития производительных сил в эпоху развитой бронзы и начала распространения железа. Орудия эти говорят о высокой степени развития

³⁶ См. J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, Paris, I, 1889, стр. 132—133, рис. 121—125.

³⁷ См. Т. С. Хачатрян, *Раскопки в Айриванке*, «Изв. АН Арм. ССР», обществ. науки, 1957, № 12, стр. 95; см. А. О. Мнацаканян, *Находки предметов бронзового века в селении Толорс (Зангезур)*, Арм. ССР. «Кратк. сообщ. Инст. ист. мат. культ.», вып. 54, стр. 100.

³⁸ Материал хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа.

³⁹ Материал хранится в ГМА, инв. № 486—487.

⁴⁰ См. Т. С. Хачатрян, *Орудия труда...*, стр. 214—216, рис. 50 (6—7).

⁴¹ См. Б. Б. Пиотровский, *Кармир-Блур*, I, Ереван, 1950, стр. 37, рис. 16.

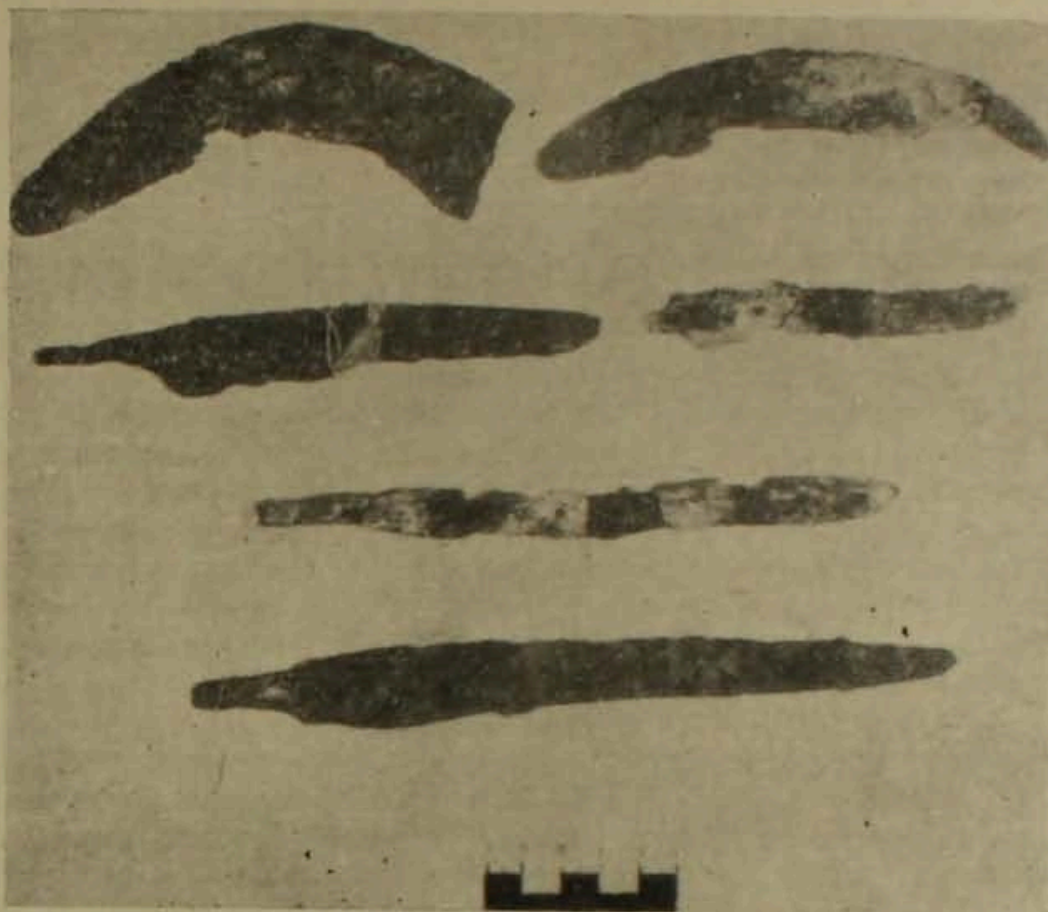

Рис. IV.

земледелия. Обнаружение целых комплексов орудий несколько изменяет наши представления о применении того или иного орудия. Так, комплекс погребения № 90 с полным основанием можно рассматривать как «комплекс плотника» с высоким уровнем специализации орудий труда (рис. I). Обнаруженные в этом погребении массивный топор, ручной топорик, долота и бронзовая пила указывают на то, что ручные топоры использовались в Закавказье в деревообработке. Плотничество очень долго оставалось домашним ремеслом, появившимся одновременно с возникновением скотоводства и началом земледелия, в период «неолитической революции». Последующий этап общественного разделения труда (отделение ремесла от земледелия и скотоводства) в Передней Азии и на Армянском нагорье наступил быстро. Имеется ряд археологических свидетельств о специализированном ремесле металлургов на Армянском нагорье и Кавказе еще в III тысячелетии до н. э. Ряд находок позволяет утверждать также, что на территории Армении в эту эпоху существовало развитое и вполне сформировавшееся ремесло металлурга как первый выделившийся вид ремесленного производства.

Вслед за обработкой металла в конце III тысячелетия до н. э. оформляется гончарное дело. Найденные в верхнем слое Шенгавитского поселения сосуды, изготовленные на гончарном круге (что указывает на производство посуды не для домашнего потребления), подтверждают выделение керамического производства в самостоятельное ремесло. Окончательное обособление данного вида ремесла относится, по-видимому, к середине II тысячелетия до н. э. Наконец, на протяжении II тысячелетия до н. э. выделяются ремесла, длительное время носившие домашний характер: в значительной мере оформляется ткачество (правда, окончательно так и не отделившееся от домашнего хозяйства), о чем говорит, например, находка крупного фрагмента замечательного ковра, обнаруженного в погребении № 89 Арктического могильника; в самостоятельный вид ремесла выделяется деревообработка, о чем свидетельствует рассмотренный выше высокоспециализированный «комплекс плотника»; происходит дифференциация ремесла металлурга, при которой в ряде районов, в силу специфики местных условий, добыча ископаемых выделилась из общего процесса металлургического производства.

Следует полагать, что на территории Армении во второй половине II тысячелетия до н. э. в основном завершилось второе общественное разделение труда—отделение ремесла от сельского хозяйства, охватывающее полуторатысячелетний период.

Распространение железных орудий на рубеже II и I тысячелетий до н. э. ознаменовало собой новую революцию в производительных силах, подняло их на несравненно более высокий уровень. Однако мы сталкиваемся зачастую с фактом переживания бронзовых орудий еще в X—IX вв. до н. э., особенно в тех случаях, когда они медленно изнашивались. Только с выработкой значительно более производительных форм железных орудий бронзовые быстро уступили им свое место.

Рассмотренные орудия из Артика могут свидетельствовать также об оживленной хозяйственной жизни на Армянском нагорье в XIV—IX вв до н. э.